

СОДЕРЖАНИЕ

- 6* Майя Кучерская. **Предисловие. Тексты ввремя**
- 8* Денис Банников. **От редактора**
- 11* Елена Антар. **Налегке**
- 19* Артём Роганов. **Герметичность**
- 41* Александра Новикова. **Кадис**
- 51* Дарья Стаханова. **Печатная буква**
- 59* Наталья Калининкова. **Трамонтана**
- 69* Аня Михайлова. **Дефицит слов**
- 77* Наталия Янтер. **Они**
- 85* Ваня Тимонов. **Панамерикана**
- 97* Надежда Гаврилова. **Не Верино**
- 107* Гаянэ Танцырева. **Свами Тушар Арун Баба Йоганандра**
- 119* Илья Наумов. **Снегом статья**
- 133* Ольга Шишкина. **Китайская железная дорога**
- 141* Иван Кондратенко. **Прочь из Гаваны**
- 171* Анна Ширмина. **Следующая станция — «Римская»**
- 177* Юлия Савиковская. **Ариадна на острове Наксос**
- 209* Елена Тулушева. **Договор с Богом**
- 223* Анна Линская. **Хождение под журавлями**

ПРЕДИСЛОВИЕ

ТЕКСТЫ ВОВРЕМЯ

Сборник, который вы держите в руках, — первая книга в ново-рождённой серии «Фабрика слов».

Фабрика эта заработала около семи лет назад, в 2017 году, когда в Вышке открылась магистерская программа «Литературное мастерство». Это была первая подобная программа в России.

Литературный институт имени Горького устроен иначе и нашей программе приходится скорее двоюродным прадедушкой. В нашей магистратуре учиться нужно не пять, а всего два года, не отвлекаясь на общеобразовательные предметы, и поступают к нам не вчерашние школьники, а люди зрелые, взрослые, с высшим образованием и опытом за спиной. Для сочинения прозы это очень хорошо. Для художественного перевода тоже не лишнее.

Дипломная работа в нашей программе — это сборник рассказов, повесть или роман для тех, кто выбрал направление «проза», и художественный перевод с английского языка — для тех, кто предпочёл учиться на переводчика.

За прошедшие семь лет наши выпускники опубликовали десятки рассказов, книг, переводов. В самых достойных издательствах и известных литературных журналах. Но однажды мы с коллегами, писательницей Мариной Степновой и молодыми преподавателями, в прошлом тоже нашими выпускниками, Денисом Банниковым, Еленой Тулушевой и Александрой Новиковой, задумались: а почему бы нам не публиковать книги выпускников в родном университетском издательстве?

Наши идеи были услышаны. Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность руководству Вышки в лице Вадима Валерьевича Радаева и главе Издательского дома ВШЭ Елене Анатольевне Ивановой, которые, несмотря на всю экзотичность нашего предложения (художественную прозу издательство Вышки до сих пор не публиковало), гостеприимно пустили под строгие своды университетского издательства пёструю толпу молодых литераторов.

В серии «Фабрика слов» будет выходить не только проза и переводы наших выпускников, но и учебная литература: методические пособия по преподаванию литературного мастерства, инструкции для преподавателей, для студентов, а также для всех, заинтересованных в обучении писательскому искусству. Кстати, вторая книга серии, сборник литературных рецептов, которыми

делятся наши выпускники, тоже составлена и скоро выйдет в свет. Посвящена она тому, из чего приготовить начинку качественного романа, как замесить нарративное тесто для увлекательной истории и умело украсить её деталями, как жить в литературном мире, что, например, такое писательские резиденции и как в них попасть.

Напоследок несколько слов о теме этого сборника: зал ожидания.

Ощущение, что мы в пути, и то мчимся, то ползём, то сидим в зале ожидания, сегодня испытывают многие. Так часто бывает на историческом переломе, когда одна эпоха завершилась, а другая едва брезжит. Что впереди — пока не разглядеть, хотя и не вглядываться невозможно. Авторы сборника Елена Антар, Артём Роганов, Александра Новикова, Дарья Стаханова, Наталья Калининкова, Аня Михайлова, Наталия Янтер, Ваня Тимонов, Надежда Гаврилова, Гаянэ Танцырева, Илья Наумов, Ольга Шишкина, Иван Кондратенко, Анна Ширмина, Юлия Савиловская, Елена Тулушева, Анна Линская в своих рассказах сумели запечатлеть это колеблющееся облако ощущений очень точно, разглядев в нём разные оттенки — чувство движения вперёд, прощания с прошлым, утраты, но и обретения, обновления, надежды.

Самое драгоценное в этом сборнике для меня заключается в том, что все авторы рассказали про «щемящее чувство дороги» совершенно непохоже и на разном материале: их герои перемещаются по всему земному шару — Москве, Петербургу, всей России, Турции, Перу, Кубе, Испании, Англии, а рассказано об их странствиях на языке экспериментальной, фантастической и вполне традиционной реалистической прозы. И что не менее важно, прозы совершенно профессиональной и своевременной.

В итоге сложилась замечательная коллекция увлекательных историй, которые можно глотать маленькими порциями, а можно и залпом, и лучше всего, конечно, делать это в дороге, в метро, электричке, поезде, самолёте и в зале ожидания, само собой.

Приятного вам чтения и лёгкой дороги!

*Майя Кучерская,
академический руководитель программы
«Литературное мастерство» НИУ ВШЭ*

ОТ РЕДАКТОРА

Когда я был маленьким, у моих родителей в почёте были поезда. Сейчас я, стыдно признать, отношусь к ним утилитарно (к поездам, не родителям): поезд хорош постольку, поскольку быстр, а ещё в нём обязательно должен ловить вай-фай, иначе пропустишь какое-нибудь письмо по работе. В детстве, конечно, об этом речи не шло. Мы ехали день и ночь, закрывали двери купе, случались эклеры с заварным кремом, гранёный стакан в подстаканнике и трижды заваренный чайный пакетик, а потом — на верхнюю койку, шуршать страницами и мерно покачиваться в такт составу. Иногда в окно нашего поезда на полном ходу бросали камни, которые со звоном отскакивали, оставляя на стекле трещину. Но больше всего меня заботило вот что. Бывало, когда стоянка подходила к концу, мимо проезжал встречный поезд. И я никогда не мог понять, это мы, наконец, двинулись, или двинулся мир за окном? Для меня это было сродни фокусу, который вгоняет детей в ступор: когда какой-нибудь дядюшка в разгар праздника откручивает себе большой палец и прячет его в карман. Конечно, родители объясняли, что к чему, но каждый раз я тарасился, пока голова не начинала кружиться.

Ждал, пока наступит ясность.

И вот не так давно, как раз во время работы над этим сборником, мне вновь случилось путешествовать на поезде. Мы несколько дней обсуждали книгу: у нас было готово несколько прекрасных рассказов, ещё больше обещанных. Помимо прочего, я списывался и созванивался с некоторыми потенциальными авторами. Всё это, конечно, удалённо, потому что все в дороге, в разных местах и часовых поясах. И в конце каждой беседы мы размышляли, когда увидимся, как в старые добрые, и всякий раз неловко улыбались. И то правда, при горизонте планирования в пять минут планы строить сложно. Да и жизнь кипит, но её будто накрыли крышкой. Через пару дней поезд тронулся, попутчик как по команде стал потреблять сухарики с сёмгой и сыром, а я перечитывал черновики и пытался понять, что у них общего. На стоянке я сделал перерыв, утёр глаза, а потом посмотрел за окно — мимо проезжал встречный поезд. Я поймал себя на мысли, что голова кружится, как в детстве, а ясность всё не наступает и не наступает. Но потом мы двинулись, а я забрался на верхнюю койку и что-то записал.

Сборник, который вы держите в руках, составлен из рассказов выпускников магистерской программы НИУ ВШЭ «Литературное

мастерство». Многие из авторов уже публиковались в толстых и тонких журналах, сборниках и глянце, их романы ждут вас на полках книжных магазинов. Для некоторых же это первая, но совершенно точно не последняя публикация. Все они пишут художественную прозу, но не только. Среди авторов есть редакторы и сценаристы, копирайтеры и маркетологи, журналисты, юристы, менеджеры и преподаватели. Рассказы тоже получились разными: жанры и темы, герои и сюжеты, не говоря уже о стилистике. Но все они тем не менее собраны под одной обложкой. Вопрос дискуссионный, что сложнее — написать хороший рассказ или хороший роман, и мы можем как-нибудь поспорить об этом. Но роман, каким бы насущным он ни был, отзывается ретроспективно. Рассказ же сиюминутен, выверен и прицелен, это проза быстрого реагирования. Пожалуй, самая острая форма после журналистики и дневника. И этот сборник, надеюсь, зафиксирует момент если не в пространстве, то во времени, своеобразный взгляд в окно, состояния пути и ожидания.

Рано или поздно все мы отправляемся в дорогу. Кто-то, чтобы куда-то добраться, кто-то, чтобы откуда-то уйти. Ожидание тоже двояко — оно может быть продуктивным, а может быть обезоруживающим. Равно как внушительная часть жизни зарезервирована под сон, мы проводим кучу времени в ожидании, будь то очередь к стоматологу, мандраж перед выходом на сцену или трепетные мгновения, когда мы вручаем подарок близкому человеку и требовательно наблюдаем, как он тянет за упаковочную ленту. Но ожидание — не бездействие, не просто часть дороги, это тоже дорога, которую, как и всякое путешествие, мы сами наполняем смыслом.

Быть может, вы читаете или слушаете эту книгу, находясь в пути. В следующий раз, когда поезд затормозит в потёмках тоннеля и по интеркому что-то пробубнят, когда вы попадёте в пробку, опаздывая на важную встречу, или ваш рейс перенесут без объяснения причин, — оглянитесь. Вы в зале ожидания. Вы здесь не одни. Всех нас привели сюда разные дороги, и разными дорогами мы продолжим путь, но на какое-то время все мы здесь — можно устроиться поудобнее, перегляднуться и понимающе кивнуть. Скоро счётные палочки на табло сложатся в буквы и цифры, а буквы и цифры в долгожданное послание. И тогда все мы, конечно, двинемся дальше. Как иначе?

Но пока мы здесь.

Денис Банников
Осень 2023 г.

НАЛЕГКЕ

ЕЛЕНА АНТАР

1

Одно Поля знала твёрдо: в дорогу надо отправляться налегке. Дед всегда так говорил. Сам он был лёгкий на подъём. Настолько лёгкий, что однажды, в очередной раз собравшись в путь, он подкинул её вверх так, что она коснулась бантами потолка, и ушёл, чтобы больше не вернуться. В памяти остались его спина, прямая, как у мальчишки, и лёгкая походка. А ещё тощий рюкзак на одном плече. Наверное, там была зубная щётка, потому что вечером, отправившись умыться, она не нашла дедовой щётки на привычном месте. Дед, уехавший так легко и просто, контрастировал с мамой и бабушкой — полными, мягкими, слегка примятыми, ни дать ни взять две спелые груши, которые шлёпнулись с дерева и вдруг решили удрать, пока их не съели. Так они всю жизнь и удирали, непонятно от кого, непонятно почему. Они пахли одинаково — кисло-сладко, как подгнившие фрукты. Поля считала, что это из-за тяжелых авосек. Баулы, чемоданы, пакеты — всегда находилось что тащить.

Вспомнилось — вот мать катит большой чемодан. У него два колеса, но одно в дороге сломалось. Остатки крепления противно скребут дорогу — хрррррр, хррррррр. А Поля идёт следом и смотрит на тонкую глубокую борозду, которую оставляет на пыльной дороге хромой чемодан. В руках у Поли — пакет с едой, которую не доели в поезде. Но там ещё осталось — хватить на сегодня и, может, даже на завтра. Большая бутылка газировки из мятого пластика — они пили прямо из горла, передавая бутылку друг другу. Красной жижи чуть меньше половины. Газ уже весь вышел. Недогазировка тёплая и совсем не вкусная, а всё равно хочется её пить и пить. Вот мама останавливается, кладёт на чемодан потёртую кожаную сумочку, вытирает пот со лба большой белой рукой. Поля хорошо помнит эту руку, ей всегда казалось, что она похожа на плавник дельфина. Сверху много, а снизу — маленький аккуратный треугольник ладони. Поля, радуясь неожиданной передышке, достаёт мятую бутылку, и вот уже неприятно тёплая, но приятно сладкая жижа льётся в горло.

Когда Поля перестаёт пить, а мама — вытирать пот, обе они смотрят на чемодан. Туда, где секунду назад лежала кожаная сумочка. Её там нет. Нет на чемодане, нет под чемоданом, нет на мамином плече, нет в пакете с едой. Её просто нет, а значит, нет всех

документов и денег. Если честно, немножко денег спрятано в мамы в белье, но паспорт в лифчик не зашьёшь.

Пока Поля таращит глаза, сжимая в руках красножижную бутылку, ей прилетает затрещина маминым плавником. Куда ты смотрела... Лишь бы к бутылке присосаться... Никакого от тебя толку... Матери отвернуться нельзя... А потом мама плачет одной нотой «ииии», что звучит совсем уж неприлично на контрасте с её большим дельфиньим телом.

Но всё это продолжается недолго. Не проходит и двух минут, как появляется бабушка, которая победоносно сжимает одной рукой потерянную сумочку, а другой — ухо худого грязного мальчишки (к уху прикреплён и сам мальчишка — не подумайте дурного). «Со мной не пропадёшь, эх вы, тетери». Все плачут, Поля с мамой от радости, мальчишка — от боли, а у бабушки всегда слезятся глаза на ярком солнце.

В тот раз всё разрешилось счастливо, но когда Поля стала взрослой, она никогда не брала с собой в дорогу вещей. Всё, абсолютно всё можно купить на месте. Всё, абсолютно всё можно оставить без сожаления.

Даже человека, с которым прожила несколько лет. Но ведь несколько лет — это ещё не вся жизнь, правда? А всю жизнь она и не собиралась. Уходить нужно налегке. Каждые несколько лет она уходила от очередного возлюбленного. Этот ритуал ей невероятно нравился. Посудите сами, как удобно. Начиная отношения с человеком, не нужно прислушиваться, ёкнуло у тебя что-то или нет. Достаточно простой симпатии, чтобы нырнуть в эмоции с головой, купаться в них, отфыркиваясь от удовольствия, а когда надоест, без всяких объяснений просто отправиться в институт мозга и стереть человека из памяти. Она любила совмещать эту процедуру с переездом на новое место. Это как подстричь волосы — голове сразу становится легко, а люди вокруг даже не знают, что ты что-то с собой сделала.

Ещё один плюс процедуры — всё экологично. Твой бывший возлюбленный получает уведомление из института, что он стёрт из памяти, поэтому просьба гражданина/гражданку N не беспокоить, он/она всё равно вас не вспомнит, только примет за сумасшедшего.

Иногда ей бывало жалко расставаться с очередным временно любимым. Но чем очевиднее было это сожаление, тем быстрее она стремилась в институт мозга. Только бы не привязываться, только бы скорее почувствовать долгожданную лёгкость.

— Не уезжай, — дежурный любимый обнимал её так крепко, будто и правда мог бы не пустить.

— Я скоро вернусь, — отвечала она, пытаясь вывинтиться из его объятий. — Я буду звонить часто-часто.

Его номер она уже удалила из памяти телефона. Дело за собственной памятью.

— Давай сфотографируемся вместе, — предложила она.

— Ты же терпеть не можешь совместных фотографий?

— А на эту буду смотреть и вспоминать тебя.

Это была уже почти правда. Так делать было нельзя, вернее, не рекомендовалось институтом мозга, но она не могла удержаться. С каждым из них она делала совместное фото, а потом кидала в коробку, туго замотанную скотчем, через специальную прорезь. Когда она станет старенькой и мужчины в её жизни кончатся, она откроет эту коробку и посмотрит сразу на всех, кто у неё был. Ей уже сейчас интересно, кто они и сколько их. Ладно, сколько — она и так могла бы подсчитать, не зря же она хранила все квитанции из института мозга. Но вот что это за мужчины — на этот счёт у нее не было ни малейшего представления. Она предвкушала, как будет глядеться в их лица и гадать, чем её привлек этот, как мог понравиться тот. Интересно, одобрит ли она старенькая свой выбор в молодости. А вдруг ей даже удастся кого-нибудь вспомнить по-настоящему?

Фотопринтер выплюнул фото, она аккуратно вывела на обороте дату.

— Ты правда будешь думать обо мне? — тоскливо спросил он.

— Конечно, — ответила она.

Они оба знали, что она врала. И Поля знала, что он знал. А если не знал, то догадывался. Но он отлично воспитан, не будет устраивать сцен. Не станет колотить посуду, не заорёт дурниной. Всё же у неё есть вкус.

— Тебе уже сорок два, а ты вся в разъездах.

— Это моя работа, ты же знаешь.

— Надо себя беречь.

Она себя берегла, ещё как. Она и вправду ездила в командировки, но вовсе не так часто, как он думал, и не так уж это было утомительно. Добрая половина этих командировок — флирт, интрижки, лёгкие измены, совместный отдых со случайными мужчинами. Такие мужчины никогда не попадали в её коробку. Так что угрызения совести её не мучили: не попал в коробку, значит, не считается. Значит, всё хорошо.

После процедуры новый мужчина не появлялся удивительно долго. Не то чтобы у неё совсем никого не было, но это было настолько несерьёзно, что не требовало посещения института мозга. Большая часть из них сами бросали её. Если бы их уход её по-настоящему задевал, то и это можно было бы стереть. Но ей было всё равно. Совсем.

Поле исполнилось уже пятьдесят, когда она познакомилась с ним. Он был старше на одиннадцать лет. Это был минус, в последнее время она предпочитала мужчин моложе себя. Но он не исчез после нескольких встреч, как исчезали те молодые красивые, и это был плюс. Он тоже был красив. Без детей и бывших жен. Они встретились на юге, куда она приехала с одной сумочкой. Всё остальное она, как всегда, собиралась купить на месте. Первым делом — туфли. Она поехала, в чём была, а была она в неудобных босоножках. Пора бы уже завязывать с каблуками, вот и доктор всё — варикоз да варикоз. Поля всего-то наклонилась поправить застёжку, а когда выпрямилась, сумочки, которую она пристроила на скамейке рядом, уже не было. Пока она беспомощно оглядывалась, подошёл он. Поля сразу поняла, что это не он, а ОН. Не то чтобы у неё что-то ёкнуло — она с юности не верила во все эти «ёки». Но он держал её сумочку, и это был почти что знак, особенно на фоне её многолетнего безмужья.

Завертелось быстро. Она могла бы сказать, что всё было, как в двадцать лет. Но она не помнила, как оно было в двадцать лет. Но если бы нужно было придумать их отношения название, это было бы «лёгкость». Так, легко, играючи, он позвал её замуж. Она снова хохотала. Замуж она не собиралась, но было приятно.

Они прожили вместе десять лет. Десять чудесных лет. Десять лет смеха, путешествий, шёпота и ночных откровений. Десять лет лёгкости. Она рассказала ему обо всём. Кроме института мозга и коробки, перемотанной скотчем, которая лежала в глубине комода.

Всё закончилось 23 июля. Они собирались в очередной отпуск, вещами, как всегда, занимался он. Она по-прежнему ездила налегке. Её пляжные тапочки, полотенца, три купальника и панамку от солнца — всё это теперь упаковывал он, чтобы ей не приходилось потом бегать по магазинам с облупившимся носом и большой головой, втридорога покупая туристические товары. Она никогда не думала, что лёгкость может быть такой надёжной.

В тот день, 23 июля, он поехал к приятелю, хотел оставить дубликат ключей от дома на время их отъезда. А через два часа ей позвонили из больницы. Авария. Живой. Состояние средней тяжести. Она с трудом воспринимала слова. Казалось, они скользили по ней, но не попадали внутрь. Номер больницы смогла записать с третьей попытки.

Когда-то учёные выяснили, что солнечный свет помогает выздоровлению больных, и с тех пор во всех больницах мира непрекращающееся утро. Утренний свет признан самым комфортным. Дневной вы найдёте в больницах попроще. Поле повезло: там, куда попал он, было вечное утро. А значит, и врачи опытнее, и содержание лучше. Усталый доктор говорил нехотя, а потому неразборчиво, всё время норовил уйти, и Поле приходилось хватать его за руку. Он морщился от её беспардонности, но всё же говорил, и это главное.

— У него амнезия. Он не помнит последние десять лет.

— Этого не может быть.

— Может.

— Он не мог меня забыть.

— Мог.

На долю секунды в лице доктора мелькнуло что-то человеческое. Эта немолодая женщина казалась жалкой, хотя ему не было жалко её. Ему никого не было жалко, но он любил наблюдать за людьми. Белое лицо с оранжевыми пятнами румян, неровно подведённые губы, как две пластилиновые колбаски. Старенькая девочка, тетушка фавна на копытцах-каблуках.

Ей разрешили увидеть его только через несколько дней. Он сидел на кровати, спустив босые ступни, смотрел вниз и сосредоточенно шевелил пальцами ног.

— Алёша, здравствуй, — робко позвала она.

Он не реагировал. Она села напротив и заглянула ему в лицо.

— Женщина! — он недовольно отпрянул. — Вам чего?

— Алёша, ты узнаёшь меня?

Он смотрел на неё неприязненно, и Поля как будто впервые увидела своего Алёшу. Хотя какой же он свой? То же лицо, те же руки, тот же запах, а весь чужой. Под его взглядом она вдруг остро почувствовала свои морщины, складочки и пигментные пятна, как будто она новобранец, который проходит строгую медкомиссию. Только в отличие от новобранца, который всегда годен, её в эту армию, похоже, не возьмут. Она видела, что не нравится ему. Человек, который ещё неделю назад составлял список её вещей для отпуска, сегодня говорит ей: «Женщина, вам чего».

— Алёша, это же я, твоя Поля.

— Женщина, уйдите, я устал.

Он залез под одеяло, натянул его до самой макушки, так что наружу торчали только пальцы ног. У неё защемило сердце. Она узнала бы его даже по этим пальцам. В голове, как по заказу, вспыхнула картинка: холодные ноги, на которые не хватило длины

простыни, на большом пальце — бирка. Нет, только не так. Что угодно, только не бирка.

— Алёша, ты ведь вспомнишь меня?

Он даже не выглянул из-под одеяла:

— Ненормальная.

Ненормальная — несётся вслед, бьёт в спину, звучит в ушах, пульсирует в мозгу.

Поля не помнила, как добралась домой. К Алёше её больше не пускали, сказали — он запретил. Она пыталась объяснить, пыталась сказать, что она для него — та самая, единственная, даже почти жена, он просто забыл. Врачи кивали, соглашались, но к Алексею по-прежнему не пускали.

Она маялась дома и не могла выйти на улицу. Пойти куда-то, общаться с людьми казалось ей предательством. Домашняя работа не спасала. Она сидела в мировой сети, смотрела глупости, переключалась с одного на другое, пока реальности не смешивались в одну. А потом просто падала в незаправленную постель.

Как-то утром, спустя две недели после того, как Алёша выгнал её, она вспомнила о своей коробке. Как будто прежняя Поля вдруг проснулась и встряхнула старушку-себя: «Эй, очнись. Ещё мы из-за мужика не страдали! Вон сколько их у нас было, и каких!». А правда, каких? Все эти годы Поля предвкушала момент, когда сможет вскрыть свою коробку, но никогда не загадывала, когда и как это на самом деле произойдёт. И вот сейчас, в свои шестьдесят с копейками, она вдруг подумала, — а почему бы и нет. Любопытство, которого она никогда не испытывала, вдруг проснулось и вцепилось в неё, подзуживая: «Ну давай же, давай».

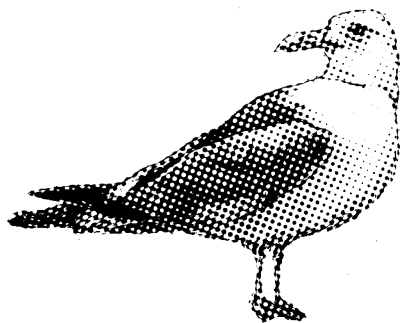
Поля достала коробку. Посмотрела в прорезь. Почти ничего не видно. Встряхнула — шуршит. Со скотчем пришлось повозиться, но острый нож — хороший помощник в таких делах. Открыла. Внутри — карточки, одиннадцать штук, ровно столько же, сколько раз она была в институте мозга. Одиннадцать влюблённых в неё мужчин. Одиннадцать разбитых сердец. Эта мысль грела её собственное сердце.

Взяла первую карточку. 18 ноября 2028-го. Здесь ей двадцать три. Поля с удовольствием посмотрела на себя. Приятно вот так, спустя сорок лет, снова вглядываться в своё молодое лицо. Кто же он, первый забытый ею мужчина? Вытравленный из памяти, выброшенный, ненужный. Вспоминал ли он её все эти годы? Долго ли страдал? Она поправила очки и вгляделась в изображение.

С карточки ей улыбался Алёша. Моложе, чем сейчас, красивый до дрожи в коленках — её Алёша. С минуту Поля внимательно

смотрела на фото, потом осторожно отложила его, взяла второе, третье, четвертое...

Она аккуратно разложила фотографии перед собой. Одиннадцать Алёш. Одиннадцать влюблённых в неё Алёш. А двенадцатый, настоящий, её забыл.

ГЕРМЕТИЧНОСТЬ

АРТЁМ РОГАНОВ

Вот не люблю я много двигаться. Движение — это не жизнь, а злой напруг. Не считая, разве что, тихих вечерних прогулок или воскресного похода на рынок.

Помню, студентом ещё, откипишь положенные часы на парах по английскому, вылезаете в арку, где ледяная от ноября земля, куришь и смотришь на теплотрассу. Там ты куковал с разными ребятами вместо шестых уроков, а по улице с другой стороны арки топал одиннадцать лет в школу. И твой город не большой и не маленький, с университетом и аэропортом, но всего две ветки метро, которыми нормальные люди не пользуются. Магазины рядом; такси, если что, дешёвое. Никакой суеты. После пар дома выучил монолог по английскому, разогрел в микроволновке сырную пиццу и сидишь с куском на кресле. Смотришь в окно — куст шиповника во дворе, пушистый, похожий на ёлку. И никуда тебе не надо дальше универа ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц. А потом началась эта работа. Самолёты, гостиницы, по несколько раз в неделю новые страны.

Вы, наверное, подумаете, что я какой-то придурок. Жалуюсь, а сам стою на балконе небоскрёба с видом на горы — опрятный молодой мужик в белой рубашке, в руках чашка с фантой, утро, многоэтажки немеют в знойной дымке, а в ванной моется девушка с красивым именем Катя. С Катей моя работа в Алматы и была связана. Теперь задание выполнено. Следующий самолёт сегодня вечером. Чемоданчик ждёт меня в камере хранения ровно к пяти часам. Всё-таки пунктуальность очень важна, когда постоянно перемещаешься, а сам при первой возможности норовишь полежать, поспать, послушать музыку. Из музыки я предпочитаю блэк-метал. Там такая плотная стена звука, что, кажется, всё замирает. И ещё часто поют про лес, про снег, про древние деревья. Я люблю снег и завидую спящим зимним деревьям. А сейчас лето, и лететь мне отсюда наверняка тоже в жару.

Катя выходит из ванной, смотрит исподлобья, умным взглядом. Она догадывается, что больше меня не увидит. Такая у неё, тоже дрянная, профессия. Психолог она. Халат на Кате махристый, цвета спелой алычи, которую мы не доели ночью. Скрывает халат бальные танцы, педантичную любовь к здоровой пище и кое-какие болячки детства, наследившие хронической бледнотой. Я немало про Катю знаю, это тоже минус моей работы. И нет, я не жиголо,

не какой-то Казанова диковинного сорта. Большая Сестра меня не для того нанимала.

Вы скорее всего в курсе или просто догадываетесь: если есть Большой Брат, который следит, то есть и Большая Сестра. Она не то чтобы следит, но присматривает за теми, кому это нужно.

Тогда я сидел без работы, заваривал дошираки, по вечерам выходил гулять и стрелять сигареты в парке. Парк был освещён лишь редкими оранжевыми фонарями. Куча скамеек и маленьких мусорок, иней на траве поздней осенью лежит, как будто рассыпали крупной морской соли. А ближе к ночи никого, и слышно только корябанье веток о соседние стволы. Как же мне было хорошо!

Ходил я, правда, и на собеседования. Устраивался менеджером по продажам, администратором в отеле. Даже официантом в грузинском кафе. Везде получал отказы — слишком было видно, что неинтересно мне работать не по специальности. Честно говоря, вакансия по специальности вызвала бы у меня энтузиазма не больше, предложи мне её кто. Работа — вообще игрушка дьявола, но я всё-таки не какой-то там Обломов. Не дворянин, боюсь стать нищим и не имею пассивного дохода, что, конечно, жаль. Может, поэтому я и выбрал Большую Сестру. Увидел в парке эту моложавую мадонну, хотя лет ей, наверное, сорок, не меньше. Подошёл и стрельнул сигарету. Она протянула мне самокрутку и спросила холодным тоном: «Хочешь бросить курить?». Я взял самокрутку, поджёг, затянулся, подумал. Ответил утвердительно. И с тех пор не курю. Как отрезало. Следующий вопрос был, хочу ли я заработать, помогая людям и путешествуя. Мне показалось, идея прикольная.

Большая Сестра говорила так: «С тяжёлыми болезнями или катастрофами мало что можно сделать, но существует у людей несчастье тонкое, прорастающее из крошечных семян. С ним не все могут справиться, более того, не всем я хочу помогать. Только вот иногда от человека ещё много всякого присутствия миру нужно, а он сдаётся раньше времени. Тут следует дарить подарки. Подарки-лекарства. Не медицинские, другие. Такие, которые никак иначе не получить, кроме как через меня. И через тебя, если согласишься. Представь, что я тебе Дедом Морозом предлагаю быть».

Дедом, ага. Постареешь тут с вами.

— Уходишь? — спрашивает Катя. Поняла по застёгнутой на все пуговицы рубашке.

— Не хочется, а что делать, когда работа, — говорю я и ни капли не вру. В Катиной фешенебельной студии с видом на Медео я бы остался на пару дней с удовольствием. Особенно, если без Кати.

— Фигово, — кивает она, — у меня сегодня как раз выходной. Могли бы прогуляться, рамен поесть. Тут место недалеко чудесное.

Я уверен, что Кате на самом деле не очень фигово. Ей хочется побыть одной. Молчу.

Лапша в Алматы действительно очень хорошая. Я здесь второй раз уже по делам. Первое казахстанское задание было куда проще — я играл роль одноногого нищего, сидел на скамейке и кричал: «От винта! Брассом, брассом загребай, морячок!». Одному чуваку, который нигде не мог снять квартиру и шатался от хостела к хостелу, это помогло вспомнить давнего приятеля по школьной секции плавания. Чувак нашёл профили приятеля в соцсетях и узнал, что тот тоже в городе и к тому же ищет, с кем жить, поскольку снял хату большую и дорогую. Большая Сестра потом сама мне показала его довольные сториз. Так я окончательно понял, что она не шутки шутит.

— Давай споемся вечером? — спрашиваю Катю. Улыбаюсь. Катя ставит чайник и садится за высокий кухонный стол доедать алычу.

— Посмотрим. Поеду, может, сегодня в горы снова.

Мы вчера были в горах, там и познакомились. Сейчас лето, жара и совсем не лыжный сезон, но пешие прогулки — самое то. Я встретил Катю у ручья и помог перейти его в не очень положенном месте, зато быстро. Потом поделился блинами с черникой. Блины — это была первая часть моего задания с ней.

«Главное условие — летать. Нам нужны твои языки для помощи людям в разных странах. Те, кого ты встретишь, будут по-разному мучиться, — наставляла Большая Сестра. — Допустим, тоска отъела у них кусок личности, либо ноет что-то из памяти. Ты сможешь помочь им всем, если захочешь, вот не сомневайся. Ты курьер и подарки в тебе уже есть, необходимо их просто достать и распаковать».

В случае с Катей «распаковать» звучит похабно, но только звучит. После пикника мы долго бродили по горам, я выдал придуманную легенду, мол, увлекаюсь альпинизмом, а сам сотрудничаю с одной логистической конторой и приехал на конференцию. Катя, к счастью, не уточняла толком, что да как. Рассказывала она больше сама. Что уже год как поссорилась с родителями из-за переезда, что проводит сеансы онлайн, через приложение. И вроде бы похожа её психология на моё занятие, а я слушал и думал: «Нет, совсем другое». Она с восприятием человека работает, а я — с его жизнью. Потом в центр приехали, зашли в пивную, выпили по литру и решили двинуть куда-то типа клуба. По дороге ещё запоздалая торговка

фруктами попалась, я у неё алычи этой взял полкило спьяну (жесть как дорого). И уже потом, где-то через два часа, после трёх шотов в подвальном танц-баре Катя предложила зайти к ней. Я согласился. Мы приехали на такси, поели алычи. Катя сказала, что ей нужно зарядить телефон, ушла к себе в спальню и там задремала. Я подождал минут пять, пришёл к ней, поставил кондиционер на эко-режим, укутал тонкой простыней и лёг рядом. Она сквозь сон попросила её обнять. Я обнял, погладил по голове. Катя заснула глубоко и окончательно, а я отвернулся на бок и вскоре тоже вырубился.

Иной скажет, что занимаюсь я какой-то ерундой, что шёл бы спасать лучше голодных детей. Но кто-то должен класть кирпичи, а кто-то выжигать по дереву орнамент на дверях. Особенно, если за этот орнамент обещают две квартиры и солидный нал.

Большая Сестра говорила так: «Тебе временами будет казаться, что совершаешь действия ты малозначимые, но то верхушка айсберга, растапливая которую, приводишь в движение подводную глыбу».

Верхушкой в Катином случае была древняя встреча, о которой она сама толком не помнила. Неудавшееся свидание в московской забегаловке. Катя заплатила за блины и сбежала от скупого красавца читать книжку в музейное кафе, чувствовать себя уверенной и свободной. Уверенность и свобода были оледеневшей сутью подводной части её айсберга. Я выдёргивал Катю из рутины онлайн-консультаций и однообразных свиданий через приложения для знакомств. Случайная встреча, блинчик в качестве крючка для памяти, приятное развитие в отличие от оригинала и такое же отсутствие продолжения, плюс целомудренная ночь с женщиной как небывалая странность. В итоге Катя, предоставленная сама себе, должна подумать сегодня вечером, что и с ней бывают забавно-безобидные нелепости, что она хорошо отдохнула, что может жить сейчас так же легко, как жила тогда, снимая тесную однушку в Хамовниках.

А пока она машет мне рукой, машет, пытаюсь скрыть облегчение от того, что я не задаю вопросов, не требую надежды на развитие этой истории. Это облегчение демонстрируют ямочки на её щеках, на круглом, таком не по-местному северном лице.

Хотя в Алматы, конечно, кого только не встретишь: есть и остатки сосланных некогда поволжских немцев, и мигранты из Туркмении, и тихие колонисты из Китая, которых, правда, любят зачастую ещё меньше, чем русских. Я не фанат этого города, сужающегося ближе к массиву гор и такого просторного на окраинах. Моё любимое место здесь — большой парк недалеко от центра, размашистый по площади и скромно отделанный. Там я сижу после Катиной

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru